

Литература

1. Комлев Н.Г. Слово в речи: денотативные аспекты. М., 1992.
2. Вердиева З.Н. Семантические поля в современном английском языке. М., 1986.
3. Сташайтене В. Абстрактная лексика на материале старобелорусских письменных памятников XV–XVII веков. Вильнюс, 1973.
4. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.
5. Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. М., 1974.
6. Уфимцева А.А. Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики. М., 1986.
7. Феоктистова Н.В. Формирование семантической структуры отвлеченного имени. Л., 1984.
8. Русская грамматика. Под ред. Н.Ю. Шведова. М., 1980. Т. 1, 2.
9. Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997.
10. Schmid H.-J. English Abstract Nouns as Conceptual Shells: from Corpus to Cognition // Topics in English Linguistics 34 (eds. Kortmann B., Traugott E.C.). Berlin, New York, 2000.
11. Vendler Z. Adjectives and nominalizations. Papers on formal linguistics 5. The Hague, Paris, 1968.
12. Halliday M.A.K., Hasan R. Cohesion in English. London, New York, 1976.
13. Bolinger D. Meaning and form. London, New York, 1977.
14. Могутаев М.К. Хантыйско-русский словарь (васюганский диалект). Томск, 1996.
15. Скамейко Р.Р., Сязи З.И. Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский. Л., 1985.

Принятые сокращения

алекс. — александровский диалект хантыйского языка, вас. — васюганский диалект хантыйского языка, вах. — ваховский диалект хантыйского языка, шур. — шурышкарский диалект хантыйского языка, нав. — навахо.

П.М. Кузнецов

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПРИЗНАКА ПРЕДМЕТА В ДИАЛЕКТАХ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА

Томский государственный педагогический университет

Под средствами выражения признака предмета (СВПП) мы понимаем совокупность лексических единиц, которые могут употребляться в функции определения к именам существительным. Предмет понимается нами в широком смысле: он может быть конкретным и абстрактным, одушевленным и неодушевленным.

Сначала рассмотрим морфологически неоформленные СВПП, которые мы называем формами основного падежа существительного в роли средств выражения признака предмета (ФОПС СВПП), так как они формально совпадают с основным падежом существительного. Представляется возможным провести классификацию данных определений по критерию атрибутивных отношений, существующих между определяемой и определяющей основами, в результате чего выделяются разряды ФОПС СВПП, где последние обозначают: 1) признак, связанный с принадлежностью определяемому лицу или границам территории, напр.: *as'i nam* (шурш.)

‘имя отца’ (*as'i* ‘отец’, *nam* ‘имя’) [1, с. 19]; *jäyäl äysäl* (вас.) ‘гриб, произрастающий в березняке’ (*jäyäl* ‘березняк’, *äysäl* ‘гриб’) [2, с. 65]; *pan rit* (шурш.) ‘песок на отмели’ (*pan* ‘отмель’, *rit* ‘песок’) [1, с. 93]; 2) признак, связанный с тем, что определяемое является частью целого, напр.: *oypi aŋkäl* (тр.-юг.) ‘дверной косяк’ (*oypi* ‘дверь’, *aŋkäl* ‘столб’) [2, с. 24]; *sohäl wur* (каз.) ‘край доски’ (*sohäl* ‘доска’, *wur* ‘край’) [3, с. 23]; 3) признак, связанный с национальным происхождением определяемого, напр.: *səran oŋk* (вах.-вас.) ‘сера зырян’ (смола) (*səran* ‘зыряне’, *oŋk* ‘сера’) [2, с. 447]; *ur hot* (шурш.) ‘ненецкий дом’ (чум) (*ur* ‘ненец’, *hot* ‘дом’) [1, с. 83]; 4) признак, связанный с отношением определяемого к биологическому виду (флоры или фауны), а также к части тела или ко всему телу человека или животного, напр.: *n'ayər löy* (вах.-вас.) ‘скорлупа кедровых орехов’ (*n'ayər* ‘кедр’, *löy* ‘кость’) [4, с. 995]; *mojpar hot* (каз.) ‘берлога’ (*mojpar* ‘медведь’, *hot* ‘дом’) [4, с. 896]; 5) признак, связанный

с отношением определяемого ко времени, напр.: *ittn un't'l'* (юг.) 'вечерняя заря' (*ittn* 'вечер', *un't'l'* 'заря') [2, с. 57]; *alaŋ hun't* (шурш.) 'утренняя заря' (*alaŋ* 'утро', *hun't* 'заря') [1, с. 13]; 6) признак, связанный с материалом, из которого изготовлено определяемое, напр.: *oŋk čäm* (вас.) 'стеариновая свеча' (*oŋk* 'смола', *čäm* 'свеча') [2, с. 39]; *kew hot* (каз.) 'каменный дом' (*kew* 'камень', *hot* 'дом') [4, с. 41]; 7) признак, связанный с предназначением определяемого для чего-либо, напр.: *aŋərnə ƙotəp* (сал.) 'сеть для ловли язей' (*aŋərnə* 'язь', *ƙotəp* 'ставная рыболовная сеть') [2, с. 21]; *šaj put* (шурш.) 'чайник' (*šaj* 'чай', *put* 'котел') [1, с. 94].

Значение первого, определяющего слова во многом обусловлено значением определяемого. Выявленные нами семантические разряды существуют как в северной, так и восточной диалектной группе.

Атрибутивная функция в диалектах хантыйского языка выражается также морфологически оформленными СВПП. Причем существуют простые и сложные морфологически оформленные СВПП. Сначала рассмотрим простые СВПП, состоящие из одной основы, морфологически оформленной суффиксом, придающим данному слову значение признака предмета. Проанализируем значения таких суффиксов в диалектах хантыйского языка.

В хантыйском языке наиболее распространены четыре суффикса, каждый из которых, присоединяясь к именной основе, способен образовать лексему со значением атрибутивности. Это суффиксы *-i/-i* (повс.), *-ŋ* (повс.) и *-ləy* (вах.-вас.)/*-ləy* (сев.-вост., кроме сал.)/*-tə* (сал.)/*-l̥i* (северн.). Два и более из указанных суффиксов одновременно к одной именной основе присоединяться не могут.

В хантыйском языке основное значение суффикса *-i/-i* можно обобщенно интерпретировать как «относящийся к чему-либо». СВПП на *-i/-i* могут обозначать признак предмета по его содержанию, наполнению. Наполнение в данном случае – это множество мелких однородных предметов, обозначаемых собирательным существительным, либо то, что предмет содержит в себе, напр.: *juŋ-i pāsar* (аг., у.-аг.) 'поленница' (*juŋ* 'дерево', *pāsar* 'поленница') [2, с. 87]; *jəŋk-i lat* (вах.) 'лу́жа, топкое место' (*jəŋk* (повс.) 'вода, жидкость', *lat* (вах.) 'место') [2, с. 94]; *hul-i oŋəl* (каз.) 'нарта с рыбой' (*hul* 'рыба', *oŋəl* 'нарта') [4, с. 40].

СВПП на *-i/-i* также могут обозначать признак, который определяет предмет по его отношению ко времени, напр.: *huŋ-i waj* (шурш.) 'летняя обувь' (*huŋ* 'лето', *waj* 'обувь') [1, с. 42].

Значение суффикса *-ŋ* во всех диалектах и восточной, и северной групп можно обобщенно интерпретировать так же, как и значение аналогичных суффиксов в других угорских языках – «значение

обладания». Об этом можно говорить, основываясь на исследованиях ученых [5, с. 56; 6, с. 66], а также – на результатах сплошной выборки из словарей, содержащих материал по диалектам различных групп хантыйского языка [1, 2, 3, 4, 7 и 8].

Представляется возможным разложить значение обладания на ряд составляющих. Так, СВПП на *-ŋ* могут обозначать признак, который определяет предмет по обладанию другим предметом или вещью. Обладание мыслится как неотъемлемая часть определяемого предмета. Определяемое характеризуется здесь в материальном (физическом) аспекте, напр.: *awt-əŋ* (вах.-вас.) 'волосатый, лохматый, кудлатый' (*awt* (вах.-вас.) 'волос') [2, с. 20]; *təh̄l-əŋ homelha* (каз.) 'стрекоза, шершень' (*təh̄l* 'крыло', *homelha* 'букашка', т.е. досл.: «букашка с крыльями») [4, с. 497].

СВПП на *-ŋ* могут обозначать признак, который определяет предмет по обладанию другим предметом в качестве собственности. Причем предмет владения не является неотъемлемой частью определяемого, напр.: *šaj-əŋ* (вас.) 'зажиточный' (*šaj* 'одежда') [4, с. 243]; *law-aŋ* (шурш.) 'имеющий лошадь' (*law* 'лошадь') [1, с. 40].

СВПП на *-ŋ* иногда обозначают и признак, характеризующий определяемый предмет по обладанию навыками какого-либо дела или по отношению к какому-либо делу или мероприятию, в которое он (определяемый предмет) вовлечен, напр.: *čipān-əŋ* (вах.-вас.) 'умеющий колдовать, знающий колдовство' (*čipān* (вах.-вас.) 'колдовство') [2, с. 42]; *tus-aŋ* (шурш.) 'умелый' (*tus* 'умение, мастерство') [1, с. 81].

Помимо этого СВПП на *-ŋ* могут обозначать признак, характеризующий определяемый предмет по обладанию чем-либо, что метафорически интерпретируется как обладание свойством или качеством и в конечном счете имеет метафорическое значение, напр.: *sətm-əŋ ƙo* (тр.-юг.) 'смелый человек' (*sətm* 'сердце', *ƙo* 'человек') [2, с. 447], т.е. досл.: «человек с сердцем»; *uŋəl-aŋ-n'alam-aŋ* (шурш.) 'очень разговорчивый' (*uŋəl* 'рот', *n'alam* 'язык'), т.е. досл.: «имеющий рот и язык» [1, с. 83].

Единицы с суффиксом *-ləy/-ləy/-tə/-l̥i* обнаруживают два значения.

Во-первых, СВПП с суффиксом лишительности обозначают признак, характеризующий определяемый предмет по отсутствию у него другого предмета или вещества. Определяемое характеризуется здесь в материальном (физическом) аспекте, напр.: *āŋət-ləy weli* (вах.-вас.) 'безрогий олень' (*āŋət* 'рог', *weli* 'олень') [2, с. 32]; *sām-l̥i* (шурш.) 'слепой' (*sām* 'глаз') [1, с. 220].

Во-вторых, СВПП с суффиксом лишительности обозначают признак, характеризующий определяемый предмет по отсутствию какого-либо качества

(как обязательного свойства определяемого). Определяемое характеризуется здесь в аспекте отсутствия вещей, при определении которых используются абстрактные понятия, напр.: *ǎj-ləy* (вах.) *ǎj-tə* (сал.) ‘несчастный’ (*ǎjə* (вах.), *ǎtə* (сал.) ‘счастье’) [2, с. 30]; *möt-l̥i* (каз.) ‘здоровый’ (*möt* ‘болезнь’) [4, с. 891].

Судя по проработанному материалу, ни один из суффиксов, указывающих на значение СВПП, не имеет такого значения, которое имелось бы в одном диалекте и отсутствовало бы в другом. Значения всех суффиксов во всех затронутых нами диалектах схожи.

Далее рассмотрим словообразовательную и семантическую структуру хантыйских сложных СВПП, а также произведем их классификацию с учетом семантического и грамматического критериев.

При классификации мы будем руководствоваться двумя критериями: грамматическим (к какой части речи принадлежит первая основа композита) и семантическим (по какому параметру характеризуется вторая основа). Первоначально мы проведем грамматическую классификацию и выделим разряды по принадлежности первой основы к той или иной части речи. Внутри данных разрядов проведем семантическую классификацию.

В композитах с первой основой – прилагательным закрытого класса – по семантическому критерию обозначаемый признак может быть охарактеризован по целому ряду параметров.

Так, первая основа таких композитов может характеризовать обозначаемый признак по цвету, напр.: *w'artä-ḡos-əw* (вас.) ‘краснозвездный’ (от *w'artä* ‘красный’; *ḡos* ‘звезда’) [7, с. 57]; *pit̥i-tuš'-əp iki* (каз.) ‘чернобородый, черноусый старик’ (*pit̥i* ‘черный’, *tuš'* ‘усы и борода’, *iki* ‘старик’) [9, с. 5].

Обозначаемый признак может характеризоваться по интенсивности, насыщенности, степени его содержания, напр.: *alk̥i-kör'-əw* (вас.) ‘слабоногий’ (от *alk̥i* (вас.) ‘слабый’; *kör* ‘нога’) [7, с. 28]; *ohəl-olm-əp* (каз.) ‘имеющий слабый сон’ (*ohəl* ‘зыбкий, некрепкий’, *olm* ‘сон’) [4, с. 67].

Прилагательные закрытого класса в роли первой основы сложных СВПП могут характеризовать обозначаемый признак по форме или внешнему виду, напр.: *walaḡ-sämp'-əw* (вас.) ‘косоглазый’ (от *walaḡ* ‘косой’, *sämp'* ‘глаз’) [7, с. 44].

Обозначаемый признак может характеризоваться и по физическому свойству или состоянию, напр.: *ḡomsəy-oy-əw* (вас.) ‘пустоголовый’ (от *ḡomsəy* ‘пустой’, *oy* ‘голова’) [7, с. 108]; *lawərt-uh-əp ne* (низ.) ‘беременная женщина’ (*lawərt* ‘тяжелый’, *uh* ‘живот’) [4, с. 743].

Обозначаемый признак иногда характеризуется по размерам и прочим свойствам в пространстве,

напр.: *ǎllə-juy-əw jäyəl* (вас.) ‘березняк из больших деревьев’ (*ǎllə* ‘большой’, *juy* ‘дерево’, *jäyəl* ‘березняк’) [2, с. 65].

В качестве первой основы сложных СВПП в хантыйских диалектах могут выступать прилагательные закрытого класса, имеющие значение оценки («плохой» и «хороший»), напр.: *ätəm-ewl'-əw* (вас.) ‘худобахнувший’ (от *ätəm* ‘плохой’; *ewəl'* ‘запах’) [7, с. 41]; *wan-nöms-əp* (каз.) ‘неуравновешенный’ (*wan* ‘большой’, *nöms* ‘душа’, т.е. досл.: «с большой душой») [4, с. 1002].

Кроме того, обозначаемый признак может быть охарактеризован по физическим свойствам людей и животных, напр.: *köli-tur-p ḡo* (тр.-юг.) ‘человек с чистым, звонким голосом’ (*köli* ‘гладкий, хорошо идущий’, *tur* ‘горло’) [4, с. 625]; *n'ar-oh-pi* (шурш.) ‘лысый’ (*n'ar* ‘голый’, *oh* ‘голова’) [1, с. 56].

Сложные СВПП с определяющей основой – ФОПС СВПП – по семантическому критерию мы подразделяем на две группы. Во-первых, обозначаемый такими композитами признак может быть охарактеризован по умственным и духовным качествам людей и животных, напр.: *wij-nams-əw* (вас.) ‘хитроумный’ (от *wij* ‘злой, хитрый’; *nams* ‘ум’) [7, с. 53]. Во-вторых, определяющая (первая) основа данных сложных СВПП может обозначать предмет, с которым сравнивается то, на что указывает их вторая основа, напр.: *kör'ak-n'öl-əw* (вас.) ‘горбоносый (с горбатым носом)’ (от *kör'ak* ‘орел’, *n'öl* ‘нос’) [2, с. 81], т.е. досл.: «имеющий нос, как у орла».

Композиты с первой основой – именем на *-ŋ* – характеризуют обозначаемый признак по обладанию чем-либо, напр.: *awtaŋ-oy-əw ḡas̥i* (вах.), *optəŋ-oy-əp ḡo* (тр.-юг.) ‘человек с лохматой головой’ (*awtaŋ* (вах.), *opt-əŋ* (тр.-юг.) ‘волосатый, с волосами’, *oy* ‘голова’, *ḡas̥i* (вах.), *ḡo* (тр.-юг.) ‘человек’) [2, с. 20].

Довольно многочисленную группу составляют композиты, первой основой которых является имя числительное, напр.: *kit-jöt-əp ḡat* (тр.-юг.) ‘двухэтажный дом’ (*kit* ‘два’, *jöt* ‘этаж’, *ḡat* ‘дом’) [2, с. 87]; *əj-jij-pi* (обд.) ‘от одного отца’ (*əj* ‘один’, *jij* ‘отец’) [4, с. 17].

Выделяются также композиты с первой основой – наречием «много» или «мало», напр.: *ärki-jay-əw* (вас.) ‘многолюдный’ (от *ärki* ‘много’; *jay* ‘люди’) [7, с. 37–38]; *ḡičəl-täs'-əw* (вас.) ‘малоимущий’ (от *ḡičəl* ‘мало’; *täs'* ‘имущество’) [7, с. 119]; *ar-hor-pi* (шурш.) ‘разный’ (*ar* ‘много’, *hor* ‘образ’), т.е. «имеющий много образов» [1, с. 15].

Суффиксы *-i-l̥i* и *-ŋ* также иногда оформляют композиты со значением СВПП в хантыйском языке. Отмечаются случаи параллельного употребления этих суффиксов с формантом *-əw/-əp/-pi*, когда к одной и той же основе, занимающей второе место в композите, присоединяется и один из суффиксов

-i/-i или -η и также суффикс -əw/-əp/-pi, напр.: *kaγ-oy-əw r'at'*, *kaγ-oy-əη r'at'* (вас.) 'седоголовый старик' (*kaγ* 'седой', *oy* 'голова', *r'at'* 'старик') [2, с. 142; 7, с. 102].

В качестве СВПП в хантыйских диалектах может выступать и причастие как настоящего времени (причастие-I), так и прошедшего времени (причастие-II). Выполняя определительную функцию, хантыйское причастие-I в значении активного залога может обозначать: 1) признак, состоящий в предназначении определяемого (неодушевленного предмета со значением, как правило, рабочего инструмента), напр.: *wəsitə way* (у.-аг.) 'долото' (*wəsitə* 'дырявящий', *way* 'железный предмет') [2, с. 28]; *jöntastī mašina* (шурш.) 'швейная машина' (*jöntastī* 'шьющий', *mašina* 'машина') [1, с. 26]; 2) признак, связанный с родом деятельности определяемого (одушевленного) предмета, самое существенное для определяемого предмета занятие, на основании которого его можно выделить из прочих ему подобных и по критерию которого можно объединить ряд (одушевленных) предметов в такую общность, как «люди определенной профессии» или «вид животных», напр.: *l'al'stī jöh* (шурш.) 'солдаты' (*l'al'stī* 'воюющий', *jöh* 'люди') [1, с. 24]; *lähliłtə kaməlki* (вах.) 'пчела' (*lähliłtə* 'летающий', *kaməlki* 'букашка'), т.е. досл.: «летающая булашка» [4, с. 738]; *n'ahitj woj* (шурш.) 'куропатка' (*n'ahitj* 'смеющийся', *woj* 'зверь') [1, с. 81]. Выполняя определительную функцию, хантыйское причастие-I в значении пассивного залога может обозначать: 1) признак, показывающий, что определяемый предмет является местом, предназначенным для проведения действия, напр.: *aməstə pəsän* (тр.-юг.) 'стул' (*aməstə* 'сидящий', *pəsän* 'стол'), т.е. досл.: «стол, подверженный сидению» [2, с. 28]; *hatlitj taha* (шурш.) 'каток' (*hatlitj* 'скользящий', *taha* 'место'), т.е. досл.: «место, подверженное скольжению» [1, с. 87] (повсеместно); 2) признак, состоящий в том, что предмет является непосредственным объектом действия, напр.: *altj kešj* (берез., каз., обд.) 'шашка' (*altj* 'носить', *kešj* 'нож'), т.е. досл.: «нож, подвергаемый ношению» [4, с. 77] (только северные диалекты).

Выполняя определительную функцию, хантыйское причастие-II в значении активного залога может обозначать признак, появившийся у предмета после совершения данным предметом определенного действия, выраженного глагольной основой причастия-II, напр.: *čitəm n'an* (аг.) 'кислый хлеб' (*čitəm* 'скисший', *n'an* 'хлеб') [2, с. 42]; *hojm lipat* (шурш.) 'упавший лист' (*hojm* 'упавший', *lipat* 'лист') [1, с. 88]. Выполняя определительную функцию, хантыйское причастие-II в значении пассивного залога обозначает признак, который появился у предмета после того, как данный предмет подвергся определенному действию, которое выражено

глагольной основой причастия-II, напр.: *ältəm l'opi* (вах.) 'поношенная одежда' (*ältəm* 'поношенный', *l'opi* 'одежда') [4, с. 77]; *sāwam* (шурш.) 'связанный' [1, с. 75].

Говоря об определительной функции, нужно затронуть и проблему выражения значений степеней сравнения в хантыйском языке. Превосходная степень в хантыйском языке выражается аналитически – сочетанием СВПП с наречием, имеющим значение «очень», или с местоименным прилагательным, имеющим значение «самый», напр.: *čəkkə əllə* (вас.) 'очень большой' (*čəkkə* 'очень', *əllə* 'большой') [7, с. 289]; *šəjk huramaŋ* (каз.) 'очень красивый' (*šəjk* 'очень', *huramaŋ* 'красивый'); *met huramaŋ* (каз.) 'самый красивый' (*met* 'самый', *huramaŋ* 'красивый') [4, с. 435]. В северных диалектах превосходная степень может выражаться и послеложными конструкциями количественного сравнения.

Сравнительная степень во всех диалектах хантыйского языка выражается посредством послеложных конструкций количественного сравнения (ККС). В выражении обеих степеней сравнения между северными и восточными диалектами обнаруживаются различия.

В ККС, выражающих сравнительную степень, в северных диалектах используются два послелога (*kinš'a* 'в сравнении', *əwəlt* 'от'), в то время как в восточных диалектах – только один послелог (*kin't'a* (сев.-вост.), *niŋit* (вах.), *niŋə* (вас.)). Послелоги северной группы могут присоединять притяжательные и падежные окончания, напр.: *Apsem ma kinšam-a karas'* (каз.) 'Мой младший брат выше меня' (*apsem* 'мой младший брат'; *ma* 'я'; *kinša* – послелог сравнения + прит. аффикс ед. ч. 1-го л. -m + формант дат.-направительного пад. -a; *karas'* 'высокий').

В отличие от этого, послелог восточных диалектов, кроме вах-васюганского, может оформляться только притяжательными аффиксами, напр.: *Lūy ma kin't'a-γət ənəl* (юг., аг., у.-аг., у.-юг., тр.-юг.) 'Он старше меня' (*lūy* 'он'; *ma* 'я'; *kin't'a* – послелог сравнения + прит. суфф. 1-го лица ед. числа -γət; *ənəl* 'старший') [2, с. 112].

В вах-васюганских ККС послелог сравнения *niŋit* (вах.) и *niŋə* (вас.) морфологически не оформляется вообще, напр.: *Lūy mən niŋit əlləki* (вах.) 'Он меня старше' (*lūy* 'он'; *mən* – меня; *niŋit* – послелог сравнения; *əllə* 'большой' + предикативный суфф. -aki) [2, с. 536].

В выражении превосходной степени различия следующие: в северных диалектах употребляются ККС со значением по типу «Платье белее белого (Платье от белого белое)», напр.: *Jernäs-l nuwi kinš'a nuwi* (каз.) 'Платье белее белого' (*jernäs* 'платье' + прит. аффикс 3-го лица ед. ч. -l, *nuwi* 'белый', *kinš'a* – в сравнении) [4, с. 435]. В восточных диа-

лектах превосходную степень сравнения ККС не выражают и употребляются только для выражения сравнительной степени. Так же в вах-васюганском диалекте восточной группы отсутствует наречие со значением «самый», которое есть в остальных восточных диалектах (mata) и в северных диалектах (met).

Таким образом, о всех диалектах хантыйского языка в роли СВПП могут выступать: 1) прилагательные закрытого класса; 2) форма основного па-

дежа имени существительного в препозиции к определяемому имени; 3) именные основы, оформленные суффиксами, указывающими на атрибутивное значение получившихся образований (суффиксы *-η* (повс.), *-i/-i̇* (повс.), *-əw* (вост.) / *-əp* (сев.-вост., северн.) / *-pi* (северн.), *-ləy* (вах.-вас.) / *-ləy* (сев.-вост., кроме сал.) / *-tə* (сал., низ.) / *-li̇* (северн., кроме низ.)); 4) причастия. Употребление данных частей речи в роли СВПП обнаруживает сходство во всех диалектах хантыйского языка.

Литература

1. Скамейко Р.Р., Сязи З.И. Хантыйский словарь (шурьшкарский диалект). Л., 1985.
2. Терёшкин Н.И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л., 1981.
3. Молданова С.П., Нёмысова Е.А., Ремезанова В.Н. Хантыйский словарь (казымский диалект). Л., 1988.
4. Steiniz W. Dialektologisches und Etimologisches Wörterbuch der Ostjakischen Sprache. Berlin.
5. Терёшкин Н.И. Очерки диалектов хантыйского языка. М.-Л., 1961.
6. Gulya J. The Eastern Ostyak Chrestomathy. Bloomington, 1966.
7. Могутаев М.К. Хантыйско-русский словарь (васюганский диалект). Томск, 1996.
8. Karjalainen K.F. Karjalainens Ostjakisches Wörterbuch. Helsinki, 1948.
9. Хантыйские народные загадки. СПб., 1997.

Принятые сокращения

аг. – аганский говор сургутского диалекта восточной диалектной группы; берёз. – берёзовский диалект северной диалектной группы; вас. – васюганский говор вах-васюганского диалекта восточной диалектной группы; вах. – ваховский говор вах-васюганского диалекта восточной диалектной группы; вах-вас. – вах-васюганский диалект восточной диалектной группы; вост. – восточная диалектная группа хантыйского языка; каз. – казымский диалект северной диалектной группы; обд. – обдорский диалект северной диалектной группы; повс. – повсеместно; сал. – салымский говор сургутского диалекта восточной диалектной группы; сев.-вост. – северо-восточная подгруппа восточной

диалектной группы; северн. – северная диалектная группа хантыйского языка; сург. – сургутский диалект восточной диалектной группы; тр.-юг. – тромюганский говор сургутского диалекта восточной диалектной группы; у.-аг. – усть-аганский говор сургутского диалекта восточной диалектной группы; у.-юг. – усть-юганский говор сургутского диалекта восточной диалектной группы; шерк. – шеркальский говор средне-обского диалекта северной диалектной группы; шурш. – шурьшкарский говор берёзовского диалекта северной диалектной группы; юг. – юганский говор сургутского диалекта восточной диалектной группы.

А.В. Есипова

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА ТЮРКСКОГО СЛОВА: ПРОИЗВОДЯЩАЯ ОСНОВА (НА МАТЕРИАЛЕ ШОРСКОГО ЯЗЫКА)

Кузбасская государственная педагогическая академия, г. Новокузнецк

Словообразование относится к недостаточно изученным разделам шорского языкознания. Несмотря на то, что первые сведения об образовании имен и глаголов в шорском языке были опубликованы еще во второй половине XIX в., описания словообразования как языковой системы нет не

только в шорском языке, но и во всех тюркских языках Сибири, а также в большинстве тюркских языков мира.

Первая работа, в которой затрагивались вопросы шорского словообразования, появилась в 1869 г. В ней представлены 36 словообразовательных аф-